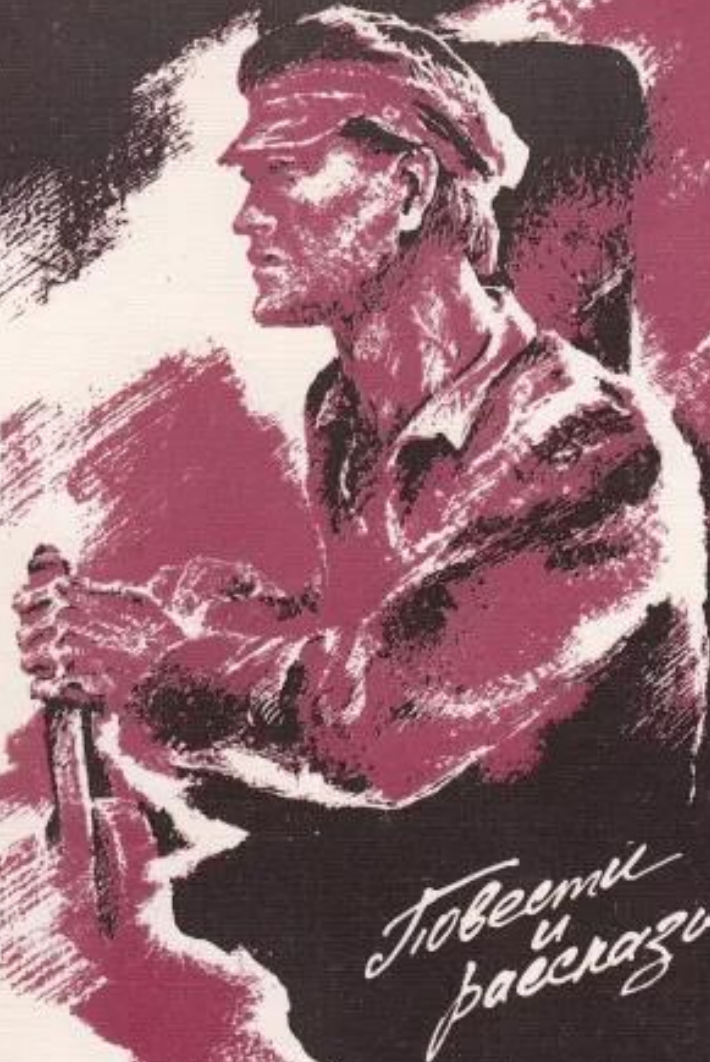

В
прекрасном
и яростном
мире

*Товести
и рассказы*

Платонов Андрей

В прекрасном и яростном мире

I

В Толубеевском депо лучшим паровозным машинистом считался Александр Васильевич Мальцев.

Ему было лет тридцать, но он уже имел квалификацию машиниста первого класса и давно водил скорые поезда. Когда в наше депо прибыл первый мощный пассажирский паровоз серии "ИС", то на эту машину назначили работать Мальцева, что было вполне разумно и правильно. Помощником у Мальцева работал пожилой человек из деповских слесарей по имени Федор Петрович Драбанов, но он вскоре выдержал экзамен на машиниста и ушел работать на другую машину, а я был вместо Драбанова определен работать в бригаду Мальцева помощником; до того я тоже работал помощником механика, но только на старой, маломощной машине.

Я был доволен своим назначением. Машина "ИС", единственная тогда на нашем тяговом участке, одним своим видом вызывала у меня чувство воодушевления: я мог подолгу глядеть на нее, и особая растроганная радость пробуждалась во мне, столь же прекрасная, как в детстве при первом чтении стихов Пушкина. Кроме того, я желал поработать в бригаде первоклассного механика, чтобы научиться у него искусству вождения тяжелых скоростных поездов.

Александр Васильевич принял мое назначение в его бригаду спокойно и равнодушно: ему было, видимо, все равно, кто у него будет стоять в помощниках.

Перед поездкой я, как обычно, проверил все узлы машины, испытал все ее обслуживающие и вспомогательные механизмы и успокоился, считая машину готовой к поездке. Александр Васильевич видел мою работу, он следил за ней, но после меня собственными руками снова проверил состояние машины, точно он не доверял мне.

Так повторялось и впоследствии, и я уже привык к тому, что Александр Васильевич постоянно вмешивался в мои обязанности, хотя и огорчался молчаливо. Но обыкновенно, как только мы были в ходу, я забывал про свое огорчение. Отвлекаясь вниманием от приборов, следящих за состоянием бегущего паровоза, от наблюдения за работой левой машины и пути впереди, я посматривал на Мальцева. Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним. Глаза Александра Васильевича глядели вперед, как пустые, отвлеченно, но я знал, что он видел ими всю дорогу впереди и всю природу, несущуюся нам навстречу, - даже воробей, сметенный с балластного откоса ветром вонзающейся в пространство машины, даже этот воробей привлекал взор Мальцева, и он поворачивал на мгновение голову вслед за воробьем: что с ним станет после нас, куда он полетел?

По нашей вине мы никогда не опаздывали; напротив, часто нас задерживали на промежуточных станциях, которые мы должны проследовать с ходу, потому что мы шли с нагоном времени, и нас, посредством задержек, обратно вводили в график.

Обычно мы работали молча; лишь изредка Александр Васильевич, не оборачиваясь в мою сторону, стучал ключом по котлу, желая, чтобы я обратил свое внимание на какой-нибудь неполадок в режиме работы машины, или подготавливая меня к резкому изменению этого режима, чтобы я был бдителен. Я всегда понимал безмолвные указания своего старшего товарища и работал с полным усердием, однако механик по-прежнему относился ко мне, равно и к смазчику-кочегару, отчужденно и постоянно проверял на стоянках пресс-масленки, затяжку болтов в дышловых узлах, опробовал буксы на ведущих осях и прочее. Если я только что осмотрел и смазал какую-либо рабочую трущуюся часть, то Мальцев вслед за мной снова осматривал и смазывал, точно не считая мою работу действительной.

- Я, Александр Васильевич, этот крейцкопф уже проверил, - сказал я ему однажды,

когда он стал проверять эту деталь после меня.

- А я сам хочу, - улыбнувшись, ответил Мальцев, и в улыбке его была грусть, поразившая меня.

Позже я понял значение его грусти и причину его постоянного равнодушия к нам. Он чувствовал свое превосходство перед нами, потому что понимал машину точнее, чем мы, и он не верил, что я или кто другой может научиться тайне его таланта, тайне видеть одновременно и попутного воробья, и сигнал впереди, ощущая в тот же момент путь, вес состава и усилие машины. Мальцев понимал, конечно, что в усердии, в старательности мы даже можем его превозмочь, но не представлял, чтобы мы больше его любили паровоз и лучше его водили поезда, - лучше, он думал, было нельзя. И Мальцеву поэтому было грустно с нами; он скучал от своего таланта, как от одиночества, не зная, как нам высказать это, чтобы мы поняли.

И мы, правда, не могли понять его умения. Я попросил однажды разрешить повести мне состав самостоятельно: Александр Васильевич позволил мне проехать километров сорок и сел на место помощника. Я повел состав - и через двадцать километров уже имел четыре минуты опоздания, а выходы с затяжных подъемов преодолевал со скоростью не более тридцати километров в час. После меня машину повел Мальцев; он брал подъемы со скоростью пятидесяти километров, и на кривых у него не забрасывало машину, как у меня, и он вскоре нагнал упущенное мною время.

II

Около года я работал помощником у Мальцева, с августа по июль, и пятого июля Мальцев совершил свою последнюю поездку в качестве машиниста курьерского поезда...

Мы взяли состав в восемьдесят пассажирских осей, опоздавший до нас в пути на четыре часа. Диспетчер вышел к паровозу и специально попросил Александра Васильевича сократить сколь возможно опоздание поезда, свести это опоздание хотя бы к трем часам, иначе ему трудно будет выдать порожняк на соседнюю дорогу. Мальцев пообещал ему нагнать время, и мы тронулись вперед.

Было восемь часов пополудни, но летний день еще длился, и солнце сияло с торжественной утренней силой. Александр Васильевич потребовал от меня держать все время давление пара в котле лишь на пол-атмосферы ниже предельного.

Через полчаса мы вышли в степь на спокойный мягкий профиль. Мальцев довел скорость хода до девяноста километров и ниже не сдавал, - наоборот, на горизонталях и малых уклонах доводил скорость до ста километров. На подъемах я форсировал топку до предельной возможности и заставлял кочегара вручную загружать шуровку, в помощь стоккерной машине, ибо пар у меня садился.

Мальцев гнал машину вперед, отведя регулятор на всю дугу и отдав реверс на полную отсечку. Мы теперь шли навстречу мощной туче, появившейся из-за горизонта. С нашей стороны тучу освещало солнце, а изнутри ее рвали свирепые, раздраженные молнии, и мы видели, как мечи молний вертикально вонзались в безмолвную дальнюю землю, и мы бешено мчались к той дальней земле, словно спеша на ее защиту. Александра Васильевича, видимо, увлекло это зрелище: он далеко высунулся в окно, глядя вперед, и глаза его, привыкшие к дыму, к огню и пространству, блестели сейчас воодушевлением. Он понимал, что работа и мощность нашей машины могли идти в сравнение с работой грозы, и, может быть, гордился этой мыслью.

Вскоре мы заметили пыльный вихрь, несшийся по степи нам навстречу. Значит, и грозовую тучу несла буря нам в лоб. Свет потемнел вокруг нас: сухая земля и степной песок засвистели и заскрежетали по железному телу паровоза, видимости не стало, и я пустил турбодинамо для освещения и включил лобовой прожектор впереди паровоза. Нам теперь трудно было дышать от горячего пыльного вихря, забивавшегося в кабину и удвоенного в своей силе встречным движением машины, от топочных газов и раннего сумрака, обступившего нас. Паровоз с воем пробивался вперед в смутный, душный мрак в щель света, создаваемую лобовым прожектором. Скорость упала до шестидесяти километров; мы

работали и смотрели вперед, как в сновидении.

Вдруг крупная капля ударила по ветровому стеклу и сразу высохла, испитая жарким ветром. Затем мгновенный синий свет вспыхнул у моих ресниц и проник в меня до самого содрогнувшегося сердца. Я схватился за кран инжектора, но боль в сердце уже отошла от меня, и я сразу поглядел в сторону Мальцева - он смотрел вперед и вел машину, не изменившись в лице.

- Что это было? - спросил я у кочегара.

- Молния, - сказал он. - Хотела в нас попасть, да маленько промахнулась.

Мальцев расслышал наши слова.

- Какая молния? - спросил он громко.

- Сейчас была, - произнес кочегар.

- Я не видел, - сказал Мальцев и снова обратился лицом наружу.

- Не видел? - удивился кочегар. - Я думал, котел взорвался, во как засветило, а он не видел.

Я тоже усомнился, что это была молния.

- А гром где? - спросил я.

- Гром мы проехали, - объяснил кочегар. - Гром всегда после бьет. Пока он вдарил, пока воздух расшатал, пока туда-сюда, мы уже прочь его пролетели. Пассажиры, может, слышали - они сзади.

Далее мы вошли в ливень, но скоро миновали его и выехали в утихшую темную степь, над которой неподвижно покоились смирные, изработавшиеся тучи.

Потемнело вовсе, и наступила спокойная ночь. Мы ощущали запах сырой земли, благоухание трав и хлебов, налитых дождем и грозой, и неслись вперед, нагоняя время.

Я заметил, что Мальцев стал хуже вести машину - на кривых нас забрасывало, скорость доходила то до ста с лишним километров, то снижалась до сорока. Я решил, что Александр Васильевич, наверно, очень устал, и поэтому ничего не сказал ему, хотя мне было очень трудно держать в наилучшем режиме работу топки и котла при таком поведении механика. Однако через полчаса мы должны остановиться для набора воды, и там, на остановке, Александр Васильевич поест и немного отдохнет. Мы уже нагнали сорок минут, а до конца нашего тягового участка мы нагоним еще не менее часа.

Все же я обеспокоился усталостью Мальцева и стал сам внимательно глядеть вперед - на путь и на сигналы. С моей стороны, над левой машиной, горела на весу электрическая лампа, освещающая машущий, дышловый механизм. Я хорошо видел напряженную уверенную работу левой машины, но затем лампа над нею припотухла и стала гореть бедно, как одна свечка. Я обернулся в кабину. Там тоже все лампы горели теперь в четверть накала, еле освещая приборы. Странно, что Александр Васильевич не постучал мне ключом в этот момент, чтобы указать на такой беспорядок. Ясно было, что турбодинамо не давало расчетных оборотов и напряжение упало. Я стал регулировать турбодинамо через паропровод и долго возился с этим устройством, но напряжение не поднималось.

В это время туманное облако красного света прошло по циферблатам приборов и потолку кабины. Я выглянул наружу.

Впереди во тьме - близко или далеко, нельзя было установить - красная полоса света колебалась поперек нашего пути. Я не понимал, что это было, но понял, что надо делать.

- Александр Васильевич! - крикнул я и дал три гудка остановки.

Раздались взрывы петард под бандажими наших колес. Я бросился к Мальцеву, он обернул ко мне свое лицо и поглядел на меня пустыми покойными глазами. Стрелка на циферблате тахометра показывала скорость в шестьдесят километров.

- Мальцев! - закричал я. - Мы петарды давим! - И я протянул руки к управлению.

- Прочь! - воскликнул Мальцев, и глаза его засияли, отражая свет тусклой лампы над тахометром.

Он мгновенно дал экстренное торможение и перевел реверс назад.

Меня прижало к котлу, я слышал, как выли бандажими колес, стругавшие рельсы.

- Мальцев! - сказал я. - Надо краны цилиндров открыть, машину сломаем.

- Не надо! Не сломаем! - ответил Мальцев.

Мы остановились. Я закачал инжектором воду в котел и выглянул наружу. Впереди нас, метрах в десяти, стоял на нашей линии паровоз, тендером в нашу сторону. На тендере находился человек; в руках у него была длинная кочерга, раскаленная на конце до красного цвета, ею и махал он, желая остановить курьерский поезд. Паровоз этот был толкачом товарного состава, остановившегося на перегоне.

Значит, пока я налаживал турбодинамо и не глядел вперед, мы прошли желтый светофор, а затем и красный и, вероятно, не один предупреждающий сигнал путевых обходчиков. Но отчего эти сигналы не заметил Мальцев?

- Костя! - позвал меня Александр Васильевич.

Я подошел к нему.

- Костя!.. Что там впереди нас?

Я объяснил ему.

- Костя... дальше ты поведешь машину. Я ослеп.

На другой день я привел обратный состав на свою станцию и сдал паровоз в депо, потому что у него на двух скатах слегка сместились бандажи. Доложив начальнику депо о происшествии, я повел Мальцева под руку к месту его жительства; сам Мальцев был в тяжком удручении и не пошел к начальнику депо.

Мы еще не дошли до того дома на заросшей травой улице, в котором жил Мальцев, как он попросил меня оставить его одного.

- Нельзя, - ответил я. - Вы, Александр Васильевич, слепой человек.

Он посмотрел на меня ясными, думающими глазами.

- Теперь я вижу, ступай домой... Я вижу все - вон жена вышла встретить меня.

У ворот дома, где жил Мальцев, действительно стояла в ожидании женщина, жена Александра Васильевича, и ее открытые черные волосы блестели на солнце.

- А у нее голова покрытая или безо всего? - спросил я.

- Без, - ответил Мальцев. - Кто слепой - ты или я?

- Ну, раз видишь, то смотри, - решил я и отошел от Мальцева.

III

Мальцева отдали под суд, и началось следствие. Меня вызвал следователь и спросил, что я думаю о происшествии с курьерским поездом. Я ответил, что думал, - что Мальцев не виноват.

- Он ослеп от близкого разряда, от удара молнии, - сказал я следователю. - Он был контужен, и нервы, которые управляют зрением, были у него повреждены... Я не знаю, как это нужно сказать точно.

- Я вас понимаю, - произнес следователь, - вы говорите точно. Это все возможно, но недостоверно. Ведь сам Мальцев показал, что он молнии не видел.

- А я ее видел, и смазчик ее тоже видел.

- Значит, молния ударила ближе к вам, чем к Мальцеву, - рассуждал следователь. - Почему же вы и смазчик не контужены, не ослепли, а машинист Мальцев получил контузию зрительных нервов и ослеп? Как вы думаете?

Я стал в тупик, а затем задумался.

- Молнии Мальцев увидеть не мог, - сказал я.

Следователь удивленно слушал меня.

- Он увидеть ее не мог. Он ослеп мгновенно - от удара электромагнитной волны, которая идет впереди света молнии. Свет молнии есть последствие разряда, а не причина молнии. Мальцев был уже слепой, когда молния засветилась, а слепой не мог увидеть света.

- Интересно! - улыбнулся следователь. - Я бы прекратил дело Мальцева, если бы он и сейчас был слепым. Но вы ж знаете, теперь он видит так же, как мы с вами.

- Видит, - подтвердил я.

- Был ли он слепым, - продолжал следователь, - когда на огромной скорости вел

курьерский поезд в хвост товарному поезду?

- Был, - подтвердил я.

Следователь внимательно посмотрел на меня.

- Почему же он не передал управления паровозом вам или, по крайней мере, не приказал вам остановить состав?

- Не знаю, - сказал я.

- Вот видите, - говорил следователь. - Взрослый, сознательный человек управляет паровозом курьерского поезда, везет на верную гибель сотни людей, случайно избегает катастрофы, а потом оправдывается тем, что он был слеп. Что это такое?

- Но ведь он и сам бы погиб! - говорю я.

- Вероятно. Однако меня больше интересует жизнь сотен людей, чем жизнь одного человека. Может быть, у него были свои причины погибнуть.

- Не было, - сказал я.

Следователь стал равнодушен; он уже заскучал от меня, как от глупца.

- Вы все знаете, кроме главного, - в медленном размышлении сказал он. - Вы можете идти.

От следователя я пошел на квартиру Мальцева.

- Александр Васильевич, - сказал я ему, - почему вы не позвали меня на помощь, когда ослепли?

- А я видел, - ответил он. - Зачем ты нужен мне был?

- Что вы видели?

- Все: линию, сигналы, пшеницу в степи, работу правой машины - я все видел...

Я озадачился.

- А как же так у вас вышло? Вы проехали все предупреждения, вы шли прямо в хвост другому составу...

Бывший механик первого класса грустно задумался и тихо ответил мне, как самому себе:

- Я привык видеть свет, и я думал, что вижу его, а я видел его тогда только в своем уме, в воображении. На самом деле я был слепой, но я этого не знал... Я и в петарды не поверил, хотя и услышал их: я подумал, что ослышался. А когда ты дал гудки остановки и закричал мне, я видел впереди зеленый сигнал. Я сразу не догадался.

Теперь я понял Мальцева, но не знал, почему он не скажет о том следователю, - о том, что, после того как он ослеп, он еще долго видел мир в своем воображении и верил в его действительность. И я спросил об этом Александра Васильевича.

- А я ему говорил, - ответил Мальцев.

- А он что?

- Это, говорит, ваше воображение было; может, вы и сейчас воображаете что-нибудь, я не знаю. Мне, говорит, нужно установить факты, а не ваше воображение или мнительность. Ваше воображение - было оно или нет - я проверить не могу, оно было лишь у вас в голове, это ваши слова, а крушение, которое чуть-чуть не произошло, - это действие.

- Он прав, - сказал я.

- Прав, я сам знаю, - согласился машинист. - И я тоже прав, а не виноват. Что же теперь будет?

Я не знал, что ответить ему.

IV

Мальцева посадили в тюрьму. Я по-прежнему ездил помощником, но только уже с другим машинистом - осторожным стариком, тормозившим состав еще за километр до желтого светофора, а когда мы подъезжали к нему, то сигнал переделывался на зеленый, и старик опять начинал волочить состав вперед. Это была не работа - я скучал по Мальцеву.

Зимой я был в областном городе и посетил своего брата-студента, жившего в университетском общежитии. Брат сказал мне среди беседы, что у них в университете есть в физической лаборатории установка Тесла для получения искусственной молнии. Мне

пришло в голову некоторое соображение, еще не ясное для меня самого.

Возвратившись домой, я обдумал свою догадку относительно установки Тесла и решил, что моя мысль правильна. Я написал письмо следователю, ведшему в свое время дело Мальцева, с просьбой испытать заключенного Мальцева на подверженность его действию электрических разрядов. В случае если будет доказана подверженность психики Мальцева либо его зрительных органов действию близких внезапных электрических разрядов, то дело Мальцева надо пересмотреть. Я указал следователю, где находится установка Тесла и как нужно произвести опыт над человеком.

Следователь долго не отвечал мне, но потом сообщил, что областной прокурор согласился произвести предложенную мною экспертизу в университетской физической лаборатории.

Через несколько дней следователь вызвал меня повесткой. Я пришел к нему взволнованный, заранее уверенный в счастливом решении дела Мальцева.

Следователь поздоровался со мной, но долго молчал, медленно читая какую-то бумагу печальными глазами; я терял надежду.

- Вы подвели своего друга, - сказал затем следователь.

- А что? Приговор остается прежний?

- Нет, мы освободили Мальцева. Приказ уже дан, - может быть, Мальцев уже дома.

- Благодарю вас. - Я встал на ноги перед следователем.

- А мы вас благодарить не будем. Вы дали плохой совет: Мальцев опять слепой...

Я сел на стул в усталости, во мне мгновенно сгорела душа, и я захотел пить.

- Эксперты без предупреждения, в темноте, провели Мальцева под установкой Тесла, - говорил мне следователь. - Включен был ток, произошла молния, и раздался резкий удар. Мальцев прошел спокойно, но теперь он снова не видит света - это установлено объективным путем, судебно-медицинской экспертизой.

Следователь попил воды и добавил:

- Сейчас он опять видит мир только в одном своем воображении... Вы его товарищ, помогите ему.

- Может быть, к нему опять вернется зрение, - высказал я надежду, - как было тогда, после паровоза...

Следователь подумал.

- Едва ли. Тогда была первая травма, теперь вторая. Рана нанесена по раненому месту.

И, не сдерживаясь более, следователь встал и в волнении начал ходить по комнате.

- Это я виноват... Зачем я послушался вас и, как глупец, настоял на экспертизе! Я рисковал человеком, а он не вынес риска.

- Вы не виноваты, вы ничем не рисковали, - утешил я следователя. - Что лучше - свободный слепой человек или зрячий, но невинно заключенный?

- Я не знал, что мне придется доказать невинность человека посредством его несчастья, - сказал следователь. - Это слишком дорогая цена.

- Вы следователь, - объяснил я ему, - вы должны знать про человека все, - и даже то, чего он сам про себя не знает.

- Я вас понимаю, вы правы, - тихо произнес следователь.

- Вы не волнуйтесь, товарищ следователь. Тут действовали факты внутри человека, а вы искали их только снаружи. Но вы сумели понять свой недостаток и поступили с Мальцевым как человек благородный. Я вас уважаю.

- Я вас тоже, - сознался следователь. - Знаете, из вас мог бы выйти помощник следователя.

- Спасибо, но я занят, я помощник машиниста на курьерском паровозе.

Я ушел. Я не был другом Мальцева, и он ко мне всегда относился без внимания и заботы. Но я хотел защитить его от горя судьбы, я был ожесточен против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека; я почувствовал тайный, неуловимый расчет этих сил в том, что они губили именно Мальцева, а, скажем, не меня. Я понимал, что

в природе не существует такого расчета в нашем человеческом, математическом смысле, но я видел, что происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни губительных обстоятельств, и эти губительные силы сокрушают избранных, возвышенных людей. Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе, я чувствовал свою особенность человека. И я пришел в ожесточение и решил воспротивиться, сам еще не зная, как это нужно сделать.

V

На следующее лето я сдал экзамен на звание машиниста и стал ездить самостоятельно на паровозе серии "СУ", работая на пассажирском местном сообщении.

И почти всегда, когда я подавал паровоз под состав, стоявший у станционной платформы, я видел Мальцева, сидевшего на крашеной скамейке. Облокотившись рукою на трость, поставленную между ног, он обращал в сторону паровоза свое страстное, чуткое лицо с опустевшими, слепыми глазами, и жадно дышал запахом гари и смазочного масла, и внимательно слушал ритмичную работу паровоздушного насоса. Утешить его мне было нечем, и я уезжал, а он оставался.

Шло лето; я работал на паровозе и часто видел Александра Васильевича не только на вокзальной платформе, но встречал его и на улице, когда он медленно шел, ощупывая дорогу тростью. Он осунулся и постарел за последнее время; жил он в достатке - ему определили пенсию, жена его работала, детей у них не было, но тоска, безжизненная участь снедали Александра Васильевича, и тело его худело от постоянного горя. Я с ним иногда разговаривал, но видел, что ему скучно было беседовать о пустяках и довольствоваться моим любезным утешением, что и слепой - это тоже вполне полноправный, полноценный человек.

- Прочь! - говорил он, выслушав мои доброжелательные слова.

Но я тоже был сердитый человек, и, когда, по обычаю, он однажды велел уходить мне прочь, я сказал ему:

- Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину.

Мальцев согласился:

- Ладно. Я буду смирным. Дай мне там в руки что-нибудь, дай реверс подержать: я крутить его не буду.

- Крутить ты его не будешь! - подтвердил я. - Если покрутишь, я тебе дам в руки кусок угля, а больше сроду не возьму на паровоз.

Слепой промолчал; он настолько хотел снова побыть на паровозе, что смирился передо мной.

На другой день я пригласил его с крашеной скамейки на паровоз и сошел к нему навстречу, чтобы помочь ему подняться в кабину.

Когда мы тронулись вперед, я посадил Александра Васильевича на свое место машиниста, я положил одну его руку на реверс и другую на тормозной автомат и поверх его рук положил свои руки. Я водил своими руками, как надо, и его руки тоже работали. Мальцев сидел молчаливо и слушался меня, наслаждаясь движением машины, ветром в лицо и работой. Он сосредоточился, забыл свое горе слепца, и кроткая радость осветила изможденное лицо этого человека, для которого ощущение машины было блаженством.

В обратный конец мы ехали таким же способом: Мальцев сидел на месте механика, а я стоял, склонившись, возле него и держал свои руки на его руках. Мальцев уже приноровился работать таким образом настолько, что мне было достаточно легкого нажима на его руку - и он с точностью ощущал мое требование. Прежний, совершенный мастер машины стремился превозмочь в себе недостаток зрения и чувствовать мир другими средствами, чтобы работать и оправдать свою жизнь.

На спокойных участках я вовсе отходил от Мальцева и смотрел вперед со стороны помощника.

Мы уже были на подходе к Толубееву; наш очередной рейс благополучно

заканчивался, и шли мы вовремя. Но на последнем перегоне нам светил навстречу желтый светофор. Я не стал преждевременно сокращать хода и шел на светофор с открытым паром. Мальцев сидел спокойно, держа левую руку на реверсе; я смотрел на своего учителя с тайным ожиданием...

- Закрой пар! - сказал мне Мальцев.

Я промолчал, волнуясь всем сердцем.

Тогда Мальцев встал с места, протянул руку к регулятору и закрыл пар.

- Я вижу желтый свет, - сказал он и повел рукоятку тормоза на себя.

- А может быть, ты опять только воображаешь, что видишь свет? - сказал я Мальцеву.

Он повернул ко мне свое лицо и заплакал. Я подошел к нему и поцеловал его в ответ.

- Веди машину до конца, Александр Васильевич: ты видишь теперь весь свет!

Он довел машину до Толубеева без моей помощи. После работы я пошел вместе с Мальцевым к нему на квартиру, и мы вместе с ним просидели весь вечер и всю ночь.

Я боялся оставить его одного, как родного сына, без защиты против действия внезапных и враждебных сил нашего прекрасного и яростного мира.

Андрей Платонович Платонов сам был помощником машиниста с 1915 по 1917 год и писал он точно о своей работе, а поэтому ему удалось так ярко и живо описать работу машиниста и его помощника.

Рассказ ведется от лица Константина, который стал помощником машиниста Мальцева Александра Васильевича. Рассказчик описывает своего начальника холодным, отчужденным, безразличным к людям и в то же время до последнего преданным делу. Когда Мальцев способен выполнять свои обязанности, он не проявляет к своим коллегам почти никаких дружеских чувств, в чём-то он даже высокомерен, ведь раз за разом он перепроверяет их работу, словно вовсе им не доверяет. Константин считает, что Мальцев не верит, что хоть кто-то способен его заменить. Когда с Мальцевым приключается беда именно Константин старается выручить его, заступает за него перед следователем, а после находит способ доказать, что Мальцев не виновен.

Но даже тогда Мальцев груб с Константином. Сердце машиниста растаяло только тогда, когда Константин, забыв все обиды зовет своего бывшего начальника прокатиться на паровозе, и зрение к нему возвращается.

Почему же рассказ имеет такое название? Тут нет ничего загадочного. Автор рассказывает о неких событиях, трудных, мучительных, несправедливых, «яростных» событиях, которые происходят с людьми, считающими этот мир прекрасным. Если посмотреть на описания Константина, то можно прочувствовать, как ему нравится его работа, ему нравится смотреть в окно, когда движется поезд, ему нравится смотреть за работой опытного мастера, у которого он пытается учиться. В то же время Мальцев наслаждается своей работой, он тоже беззаветно любит своё дело. И это прекрасно. Но именно в этом прекрасном мире существуют яростные молнии, лишившие Мальцева зрения, люди, не поверившие на слово в слепоту машиниста и осудившие его на тюремный срок, а также слепота, отнявшая возможность созерцать природу и любимые поезда.

Так, о чем же этот рассказ в целом?

Самый очевидный ответ – автор поднимает темы дружбы, взаимоотношений и совести.

Так, Мальцев изначально не ищет дружбы среди коллег, не умеет ценить их работу и помощь, но к концу повествования трудности и искренняя помощь Константина заставляют его открыться дружеским чувствам к своему бывшему помощнику. Закрытый человек не способен найти друзей и испытывать радость от общения с ними. И только уважение Константина к своему бывшему начальнику, заставляют его добиваться освобождения Мальцева и после помогать ему пережить утрату зрения.

Совесть же грызет следователя. Он сделал всё от него зависящее, чтобы доказать

невиновность Мальцева и именно это привело к тому, что машинист снова потерял зрение и возможно навсегда. С одной стороны, здесь нет прямой вины следователя, ведь предложил эксперимент Константин, а проводили его научные сотрудники. С другой стороны, соучастие не освобождает от моральной ответственности.

Ещё один посыл рассказа – это труд, талант и личные заслуги. Автор показывает нам человека, отдавшего своей профессии всего себя. Он не рассказывает всем, кто может услышать, о своей ценности как специалиста, не трубит о том, как ловко он выполняет свою работу, он делает её молча и уверенно, не заботясь о том, заметит ли это кто-то. И так получается, что чем выше профессионализм Мальцева, тем глубже уважение и поддержка со стороны других людей. Автор возводит труд и талант в статус меры, по которой стоит оценивать человека.